

НЕИССЛЕДОВАННЫЙ КОНТИНЕНТ

Автор: Е. Ю. СКАРЛЫГИНА

(О журнале "Континент" Владимира Максимова)

Ведущее издание "третьей волны" русской эмиграции - журнал "Континент" - остается почти не изученным на родине [Васильев, 2000; Скарлыгина, 2006; 2004; Филиппов, 1994]. А между тем это очень ценное издание, без которого невозможно представить историю русской литературы и журналистики XX в. Архив "Континента" хранится в историческом архиве института "Восточная Европа" ("Osteurope") при Бременском университете (ФРГ), и данная статья написана с использованием его материалов¹.

Напомню, что "Континент" издавался с 1974 г. в Париже и задумывался как неподцензурное русское издание за рубежом. Его редактором вплоть до 1993 г. был В. Максимов - известный русский писатель, вынужденный эмигрировать в 1974 г. во Францию. К концу этого года, помимо высланного с родины А. Солженицына и уже упомянутого Максимова, в эмиграции находились Н. Коржавин и В. Некрасов, А. Синявский и И. Бродский, А. Галич и Е. Эткинд. Бродский, Синявский и Галич вошли в редколлегию издания, Некрасов стал заместителем главного редактора. Спустя год Синявский по собственной воле покинул редколлегию (с 1978 г. супруги Синявские начали издавать свой журнал - "Синтаксис"), а к постоянным сотрудникам издания присоединилась Н. Горбаневская, сначала в качестве ответственного секретаря, а затем и бессменного заместителя главного редактора.

Название журнала предложил Солженицын, имея в виду весь европейский континент и конкретно - Восточную Европу, социалистические страны, находившиеся под влиянием и контролем СССР. Он же оказал финансовую помощь при издании первых двух номеров, обратился с приветствием к новому изданию и поместил в первом номере неопубликованную главу из романа "В круге первом". В дальнейшем журнал выходил на деньги известного немецкого медиамагната А. Шпрингера, высоко оценившего личные качества и авторитет Максимова. При этом "Континент", в отличие от большинства эмигрантских журналов, имел возможность выплачивать довольно высокие гонорары, что было немаловажно для авторов.

Не все знают, однако, что финансовое благополучие издания продолжалось только до 1989 г., поскольку после смерти Шпрингера его наследники отказались финансировать русский журнал. N 62 (1989, N 4) "Континента" был издан с привлечением личных средств Максимова и Горбаневской. На третьей странице обложки этого номера было

¹ В тексте статьи цитируются материалы этого архива.

опубликовано воззвание "В поддержку "Континента"", которое подписали И. Бродский, М. Джилас, Э. Ионеско, Ч. Милош, А. Сахаров. Авторы письма подчеркивали огромную роль "Континента" в объединении интеллектуальных сил Востока и Запада в борьбе за демократию и призывали мировую общественность к финансовой и политической поддержке издания. На четвертой странице обложки было помещено личное письмо художника М. Шемякина - Максимова: "Дорогой Володя! Я не буду сейчас говорить о всех злободневных публикациях историков, критиков, писателей и поэтов, которые печатал Ваш журнал. Много он сделал нужного и доброго! И должен существовать и делать! Нужен и должен! И любой здравомыслящий и интеллигентный человек должен это понять! И помочь! Помочь выжить не просто журналу, а СЛОВУ! Слову правды. И очень оно нам нужно. Очень! Думаю, что "Континенту" должны помочь не только люди, любящие Россию, а все, кто любит живое Слово и борется за правду. Передаю в поддержку журнала "Континент" десять тысяч американских долларов". Начиная с N 63 (1990, N 1) "Континент" регулярно публиковал списки жертвователей, но постоянные материальные затруднения продолжались, и именно отсутствие финансирования стало одной из главных причин в решении Максимова передать журнал на родину и доверить редакторство И. Виноградову.

Однако вернемся к началу. Во второй половине 1970-х и в 1980-е гг. "Континент" - успешное и чрезвычайно востребованное издание как за рубежом, так и в России, куда он поступал по тайным каналам, через западных дипломатов и корреспондентов. 27 февраля 1978 г. в письме К. Любарскому, приступавшему к изданию журнала "Страна и мир", Максимов сообщал: "До сих пор никому еще не удавалось "пропустить" в Советский Союз более трехсот экземпляров какого-либо журнала в месяц. Заранее приготовьте себя к тому, что своих каналов Вам почти никто не представит. Их придется искать и налаживать заново самому". Казалось бы, что такое триста экземпляров? Капля в море! Но редакция "Континента" постоянно получала свидетельства, что журнал читается на родине, что он востребован и необходим. Каждый номер прочитывали сотни людей, перепечатывая и переснимая с помощью фотоаппарата наиболее интересные и острые материалы. В. Корнилов, публиковавший на страницах "Континента" свою прозу и поэзию, сообщал Максимова 10 февраля 1979 г.: "Москва по-прежнему верна твоему журналу, гоняется за ним, дает на два, на три дня. Очень ухудшает дело то, что экземпляров стало мало (работа госбезопасности! - Е. С.). У меня после 13-го не было личных. А ведь все всё время в работе и до сих пор. Спрос не убывает. Нельзя ли наладить присылку?".

На родине общественно-политический, литературный и религиозный журнал "Континент" считался одним из наиболее опасных антисоветских изданий, его распространение каралось по ст. 190 - 1 Уголовного кодекса СССР "за антисоветскую агитацию и пропаганду". Его вредоносность для советской идеологии оценивалась наравне с книгой Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ", и человек, решившийся опубликовать на страницах этого издания художественные произведения или публицистику, подвергался на родине остракизму. Это прекрасно видно на примере судеб В. Корнилова и Л. Чуковской, И. Лиснянской и С. Липкина. "Континент" находился в спецхранах нескольких крупнейших библиотек страны, и доступ к нему был предельно жестко ограничен.

Чего же так боялась советская пропаганда? Среди постоянных авторов издания - опальные на родине философы А. Зиновьев и А. Пятигорский, историки А. Авторханов и Р. Конквест, культурологи Б. Парамонов и Г. Померанц, экономист И. Бирман, искусствовед И. Голомшток. В редколлегию издания в разные годы входили А. Сахаров и И. Бродский, М. Джилас и М. Кундера, Э. Ионеско и Л. Пахман, В. Буковский и Э. Кузнецов, А. Безансон и А. Гинзбург. Все, о чем молчала официальная советская историография, что перевирала или предпочитала не замечать, становилось достоянием гласности на страницах "Континента". Это и пакт о ненападении и секретный протокол, подписанные В. Молотовым и И. Риббентропом в 1939 г., и Катюнь, и голод на Украине в 1932 - 1933 гг., и массовые сталинские репрессии, и насильственная коллективизация, и партийные "чистки" начала тридцатых, и острота национальных проблем в СССР, и ка-

гастрофичность положения советской экономики уже в новый, брежневский период. Плюс к тому правозащитная деятельность и диссидентское движение в СССР, реальным участникам которого "Континент" уделял внимание в каждом номере.

Хотя в период перестройки вся прежде запрещенная информация о советском прошлом открылась, нельзя не признать, что исторические, публицистические, политологические статьи, появлявшиеся в 1970 - 1980-е гг. в "Континенте" под рубриками "Россия и действительность", "Восточноевропейский диалог", "Факты и свидетельства", "Истоки", и сегодня читаются с интересом, поскольку их авторами были А. Некрич и М. Геллер, Б. Суварин и Р. Пайпс, Г. Андреев и М. Агурский, А. Сахаров и А. Солженицын. В N 6 (1975) была опубликована знаменитая работа Сахарова "Мир через полвека", здесь же появилась его статья "Ядерная энергетика и свобода Запада", N 16 (1978, N 2) и "Открытое письмо Л. Брежневу. Заявление", N 25 (1980, N 3). Даже в самые тяжелые годы горьковской ссылки Андрей Дмитриевич находил возможность передать через своего представителя на Западе Е. Янкелевича весточку для Максимова. "Континент" и лично Максимов сыграли значительную роль в развертывании на Западе кампании в защиту Сахарова и вручения ему в 1975 г. Нобелевской премии мира. Вспомним обстановку тех лет, ожесточенную травлю и клевету, которым подвергался Сахаров на родине, и мы поймем, что Нобелевская премия мира во многом спасла ему жизнь.

Сахаров не был в редколлегии "Континента" чисто декоративной фигурой. Архивы свидетельствуют, что по возможности, с редкой оказией (ведь это было почти нереально, особенно в горьковский период!) он передавал Максиму личные письма, а политические тексты, публицистика всегда появлялись на страницах журнала. В письме от 19 января 1976 г. он сообщал, что пересылает в журнал рукопись М. Наричи (автора повести "Неспетая песня", после публикации которой на Западе в 1960 г. автор был арестован и помещен в спецпсихбольницу, где находился вплоть до 1965 г.). В письме от 1 ноября 1977 г. (получено 4 февраля 1978 г.) Андрей Дмитриевич писал: ""Континенту" - три года. Двенадцать книг, на страницах которых мы встретились с авторами СССР и советской эмиграции, Восточной Европы и ряда западных стран. Такой межнациональный характер журнала стал очень важной для советского читателя чертой.

Мне и моим друзьям не всегда все нравилось в художественной части журнала, не всегда я согласен с публицистическими выступлениями, преувеличенным пафосом, а иногда - с моей точки зрения - и неточностью подхода к национальным и иным проблемам в Колонке редактора. Не всегда мне кажутся справедливыми литературно-критические оценки журнала.

Но главный итог трех лет: "Континент" показал себя самым интересным, самым читаемым в СССР из всех выходящих за рубежом русских журналов. Выход каждого номера "Континента" - для нас всегда событие, влекущее за собой споры, обсуждения. Такое отношение читателей - лучшее доказательство жизнеспособности и значения журнала".

Максимов относился к Сахарову с огромным уважением и пиететом. В 1979 г. при активном участии "Континента" на Западе были организованы и проведены "Сахаровские слушания", в N 52 (1987, N 2) журнала было опубликовано развернутое интервью с опальным академиком. Максимов считал Сахарова не только выдающейся личностью, но и одним из самых нравственно чистых и светлых людей, встреченных им в жизни.

Свою неустанную и многотрудную работу на посту главного редактора "Континента" Максимов воспринимал как нравственный долг и служение Отечеству. У него был сложный, резкий характер, как всякий человек со сложившимися убеждениями он не мог не иметь врагов, но журнал вел твердой рукой и воспринимал его как свое детище. О том, как много времени, духовных и физических сил требовал от редактора каждый номер "Континента", свидетельствует письмо Максимова Голомштоку от 26 апреля 1975 г.: "...журнал - трудоемкое, изматывающее мозг дело... Человек, делающий журнал, хочет он этого или не хочет, думает о нем день и ночь. Это, если хотите, его любовь, но и его проклятие. Я, как в свое дитя, вкладываю в него все. Я его нянька, и бухгалтер, его сторож, его пропагандист, его мальчик для битья".

Уже первый номер "Континента" был встречен с огромным интересом. В письме А. Суконику (литератору, одному из авторов журнала) Максимов писал 31 декабря 1974 г.: "Материальный и политический успех на первых порах прямо-таки ошеломляющ (7000 экз. русского разошлось, продано более 30000 немецкого. Около 200, в основном положительных, отзывов в печати), но мы не должны заблуждаться - удержаться на этом уровне будет очень трудно, для этого нам нужно качество, качество и еще раз качество. Будем стараться общими усилиями". Следует учесть, что журнал реально делали всего несколько человек, но он неуклонно расширял сферу своего влияния. "Континент" имел постоянных представителей в Германии и в Англии, в Израиле и в США, причем к началу 1977 г. издавался уже на девяти языках (представить только, каких титанических усилий это требовало от Максимова!) - русском, английском, немецком, голландском, французском, итальянском, испанском, японском(!) и греческом. В 1976 г. возник специальный Фонд "Ассоциации друзей "Континента"", рассчитанный не на частные вложения отдельных лиц, а прежде всего на участие в нем крупных культурных и общественных международных организаций.

В письме Коржавину от 2 сентября 1975 г. Максимов писал: ""Континент" постепенно приобретает четкие журнальные очертания. Пятый номер - это, примерно, то, что я себе предполагал в своих издательских фантазиях. В прозе и поэзии: Гроссман ("Континент" опубликовал в нескольких номерах главы из романа "Жизнь и судьба". - *Е. С.*), Войнович ("Происшествие в "Метрополе"". - *Е. С.*), Корнилов, Айги; в публицистике: Артур Кестлер, Йозеф Смрковский, Михайло Михайлов, Сергей Левицкий, Мелик Агурский; в критике и библиографии (раздел вводится впервые) первоклассная статья Абрама Терца (Синявского. - *Е. С.*) о "Верном Руслане", очень хороший анализ "Чонкина"² Виолетты³, Бетаки⁴ и целый ряд других первоклассных вещей". Добавлю, что в этом же номере была опубликована прекрасная статья Е. Эткинда ""Человеческая комедия" А. Галича", неоднократно перепечатанная в России в 1990-е гг.

Однако не все, разумеется, складывалось так гладко. У "Континента" было несметное количество врагов - и не только в СССР и странах социализма, но и в эмигрантской среде, а также среди левой западной общественности, сочувственно относившейся к социалистическим и коммунистическим идеалам. Максимов как редактор последовательно боролся с мировой экспансией коммунизма и с марксистским мировоззрением. Известно, что с журналом сначала сотрудничал, а затем отошел от него Эткинд. Выход из редколлегии "Континента" Синявского по личным мотивам (сформулированным им в письмах к Максиму) обернулся многолетней враждой между ним, его супругой М. Розановой - с одной стороны, и Максимовым - с другой. Этот затянувшийся конфликт (плюс неприятие Синявским взглядов Солженицына и Максимова на западную либеральную демократию) во многом расколол "третью волну" эмиграции на два непримиримых лагеря и сопровождался острой полемикой между "Синтаксисом" и "Континентом", их постоянной пикировкой и резкими выпадами в адрес друг друга.

Помимо неизбежных распрей в эмигрантской среде, "Континенту" не раз приходилось выдерживать хорошо продуманные и организованные разгромные кампании, направленные на дискредитацию издания в глазах западной интеллигенции. Так, 17 декабря 1977 г. в газете "Франкфуртер Альгемайне" была опубликована статья А. Разумовского, подвергавшая журнал уничтожающей критике и представлявшая Максимова-редактора как единовластного тирана. В письме, адресованном главному редактору авторитетной немецкой газеты, Некрасов писал неделю спустя: "Я не собираюсь защищать "Континент" - думаю, он заслуживает очень серьезной критики - но критики, основанной на тех материалах, которые были опубликованы в его тринадцати номерах. А ведь о со-

² Роман В. Войновича "Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина" был издан в Париже в 1975 г. в издательстве "ИМКА-Пресс".

³ Статья В. Иверни "Комедия несовместимости" посвящена роману Войновича.

⁴ В. Бетаки - литературный критик, сотрудник редакции.

держании самого журнала в статье А. Разумовского ни полслова. Достаточно многословная и неэкономная, она построена, в основном, на осуждении журнала Р. Медведевым и Ота Филипом, цитаты из которого, если не ошибаюсь, взяты из личного письма. Ну, а остальное, кроме этих цитат, рассуждения и оценки самого А. Разумовского о "намордниках", малосимпатичном диктаторе-редакторе и сваргах среди русской эмиграции...

Возможно, все эти рассуждения и оценки кого-то интересуют, возможно, даже радуют (в этом почти не сомневаюсь), но мне почему-то казалось, что немецкому читателю в первую очередь хотелось бы узнать, поскольку ему уж рассказывают о некоем журнале, что же за три года в нем было напечатано и почему его так ждут в Советском Союзе, и передают из рук в руки, на одну ночь, перепечатавают, перефотографируют... Ведь это действительно так, я не преувеличиваю. Значит, в этом журнале что-то есть... Почему бы и об этом не сказать несколько слов в Вашей газете, предварительно, конечно, проверив все факты и слухи. Ведь она, Ваша газета, я думаю, именно и стремится к тому, чтоб у читателей складывалось верное, а не предвзятое, мнение о том или ином событии. А в нашей русской жизни, эмигрантской и советской - "Континент" все же, что ни говори, событие - за чтение и распространение его, как и солженицынского "Гулага", в Советском Союзе просто сажают в тюрьму...".

В конце 1970-х - начале 1980-х гг. (особенно после публикации в "Континенте" в 1979 г. острополемичной "Саги о носорогах" Максимова) в очень многих личных письмах, которые Максимов получал из России, США, Израиля и других стран, появилось одно и то же главное пожелание: "Держитесь!", "Крепитесь!", "Не сдавайтесь!". В Бременском архиве, в фонде Максимова, хранится фрагмент письма Солженицына Шпрингеру от 19 августа 1979 г., в котором Александр Исаевич подчеркивает: "Я знаю, что "Континент" находится под сильными атаками левой общественности - но, надеюсь, Максимов сумеет устоять и к тому же совершить внутреннее духовное укрепление журнала".

"Духовное укрепление" "Континента" Солженицын видел в большем интересе редакции к русской истории ("грозной", "затоптанной", "невывявленной"), к огромному духовному матерiku - России. В личном письме Максиму от 23 июня 1979 г. он писал: "Я думаю, что оздоровление Континента - дело трудное, потребует много энергии, может приобрести Вам новых врагов. Не призываю Вас непременно к этому, но вынужден сказать: за 5 лет Континент очень мало прибавил к пониманию русской истории. А так как я служу только ей, вот и сужу пристрастно, на том меня и простите. Желаю Вам перестоять травлю и атаки, и очень хотел бы видеть в Вашем журнале героические изменения".

Солженицын призывал редактора "Континента" и к более тесному контакту с первой (послереволюционной) и второй (послевоенной) русской эмиграциями. В одном из личных писем Максиму (от 28 января 1979 г.) он писал о том, что "значение эмиграции, и без того всегда близкое к нолю, - расколом и перебранкой сводится к нолю окончательно. Я не берусь давать Вам никакого конкретного совета, тем более, что история **всех** эмиграции и трех русских в расколе. А может быть, уже в свете нашего будущего - мы сумеем быть и великодушны? Да, все - в расколе, но что только можно собрать из духовно-ценного - надо собрать, собирать. Иначе - не с чем возвращаться в Россию".

Надо сказать, что Максимов и сам осознавал огромную важность и необходимость сближения всех трех русских эмиграции. Из изданий "третьей волны" именно "Континент" предпринимал реальные шаги в этом направлении. В середине 1970-х гг. Максимов состоял в переписке с Р. Гулем (редактором "Нового журнала"), активно переписывался с А. Седых (редактором "Нового русского слова"), материально поддерживал Толстовский фонд и был лично знаком с А. Толстой, печатал на страницах "Континента" З. Шаховскую и И. Иловайскую. Среди материалов, связанных с первой волной эмиграции, можно назвать статьи С. Левицкого и фрагменты воспоминаний И. Гессена "Дела эмигрантские". Вторая волна эмиграции была представлена на страницах журнала именами И. Чиннова и И. Елагина, В. Перелешина и др. Но преодолеть извечный раскол, подозрительность и распри в среде русской эмиграции Максимов, конечно же, не мог. Более того, он сам неизбежно оказывался втянут в эти распри.

Мнение Солженицына о журнале было для Максимова, безусловно, очень значимым и важным. Он высочайшим образом ценил этого человека и писателя, стоявшего, к тому же, у истоков создания "Континента". N 18 (1978, N 4) журнала был посвящен 60-летию Солженицына; в нем колонка редактора так и называлась: "Итог одного шестидесятилетия". Здесь же были помещены материалы круглого стола "Что значит Солженицын для каждого из нас", прошедшего в Париже 19 сентября 1978 г. Разумеется, Максимов хотел бы видеть Солженицына среди постоянных авторов журнала, но этого не случилось⁵. Как редактор Владимир Максимов находился в исключительно сложном положении: он выслушивал упреки и обвинения как "слева", так и "справа".

Если Солженицын обосновывал необходимость "героических изменений" в "Континенте" тем, что в нем мало отражаются "русская тема" и "русская боль" (то есть, условно говоря, призывал Максимова издавать журнал более консервативный, "правого" толка и направления), то газета "Русская мысль" и, к примеру, постоянный автор "Континента" публицист Г. Андреев представляли себе журнал как исключительно либерально-демократический. "Скажу лишь, что я вижу две фигуры в современном русском движении, на которые следовало бы ориентироваться журналу: это Сахаров и Буковский", - писал Андреев Максиму 20 декабря 1977 г. Это мнение очень показательное: так считали многие авторы и читатели "Континента". И думается, не искажу истинного положения вещей, если отмечу, что в области общественной мысли с точки зрения нравственного авторитета фигуры Сахарова и Солженицына были для Максимова равновеликими.

"Континент" представлял собой журнал с ярко выраженным антикоммунистическим, антитоталитарным "направлением", но все-таки главным в редакционной политике являлось, безусловно, качество текстов. Для Максимова, Горбаневской, Терновского и Иверни это был решающий критерий отбора материалов, что хорошо видно из их переписки с авторами. При этом неукоснительно соблюдалось требование оригинальности текстов, никакие перепечатки в "Континенте" не допускались. Сотрудник редакции, отвечавший автору на письмо и на присланный материал, в дальнейшем следил за прохождением рукописи в печать: это помогало избежать путаницы, делало работу редакции более оперативной. Журнал изначально задумывался как интернациональный, и эту установку сохранял всегда, не замыкаясь на узконациональной проблематике. В то же время Максимов не принимал и русофобию, весьма распространенную в эмигрантской среде. В письме критикам П. Вайлю и А. Генису от 9 сентября 1980 г. Максимов писал: "Для нас, как говорится, нет ни иудея, ни эллина, поэтому мы не можем позволить себе никаких фобий, будь то юдо, украино или руссо". И далее формулировал одно из основополагающих своих убеждений: "Без осознания нашей собственной вины, то есть вины каждого из нас вне зависимости от национальности, нашего собственного прямого или косвенного соучастия в происходящей в СССР трагедии мы никогда ничего не поймем и ничему не научимся. Позиция "они и мы" заведет в тупик. Кто же эти самые "они"? На мой взгляд, "они" это вчерашние "мы". И на "нас" лежит такая же ответственность, как и на "них"".

Опубликовать свою прозу, поэзию или публицистику в "Континенте" стремились большинство авторов, находившихся в 1970 - 1989-е гг. в эмиграции. Это было почетно и заметно прибавляло авторитет писателю, поэту или публицисту. В подборе круга авторов посылно участвовали не только сотрудники редакции, но и члены редколлегии. Так, Бродский рекомендовал к печати и сопроводил предисловием стихи никому не известного в середине 1970-х гг. Э. Лимонова, и они были опубликованы в N 15 (1978, N 1), хотя Максиму и Горбаневской подборка совсем не нравилась. Бродский высоко отзывался о стихах Ю. Кублановского, а также рекомендовал для "Континента" прозу Саши Соколова (чей роман "Школа для дураков" Максимов не оценил по достоинству) и философские, культурологические эссе Дж. Оруэлла. В. Аксенов советовал привлечь к сотрудничеству с журналом молодых, тогда еще только начинающих свой путь в литера-

⁵ О своем отношении к "третьей волне" эмиграции, журналу "Континент" и Максиму Солженицын написал в "очерках изгнания" "Угодило зернышко промеж двух жерновов".

туре Вайля и Гениса. Весьма активным членом редколлегии и постоянным автором издания был (и остается сегодня, уже в московском "Континенте") Коржавин.

В архиве "Континента" хранится переписка Максимова с С. Волковым, который в 1987 г. опубликовал в журнале "Вспоминая Анну Ахматову. Разговор с Иосифом Бродским", статьи "Феномен Ростроповича" и "Юрий Любимов в Вашингтоне". Известный филолог И. Левин, эмигрировавший в США, предложил "Континенту" неизданную прозу Д. Хармса - и она была опубликована в N 24 (1980, N 2) с предисловием публикатора. А. Шварц в результате переписки с редакцией и годового ожидания (недостатка в материалах "Континент" никогда не испытывал!) опубликовал в N 53 (1987, N 3) интереснейшее документальное повествование "Жизнь и смерть Михаила Булгакова". Напомню, кстати, что ни у зарубежного, ни у российского читателя в то время не было еще ни одной биографической книги о Булгакове.

Разумеется, были и обиженные авторы, и те, кто получал от "Континента" решительный и немногословный отказ: "К сожалению, Ваша рукопись не заинтересовала редакцию журнала". Но какое же издание - тем более в эмиграции - может обойтись без недовольных авторов? Важнее другое - авторитет "Континента". Например, Н. Боков (будущий редактор собственного журнала "Ковчег") просил Максимова **письменно** изложить причины, по которым ему было отказано в публикации рассказа. "Не сочтите такое за прихоть, - писал он. - Согласитесь, иные отказы являются не менее важными в биографии писателя, чем положительные моменты". И. Бирман - автор блестящих статей в "Континенте", посвященных состоянию советской экономики, писал Максиму 21 ноября 1983 г.: "Вы прекрасно понимаете, что никаких трудностей с публикацией текста по-русски у меня нет, но хотелось бы именно у Вас по элементарной причине - Континент все ругают и все читают (второго явно больше)".

Несмотря на перманентные скандалы и ожесточенное выяснение отношений в эмигрантской среде, Максимов всякий раз, когда возникало новое издание "третьей волны" эмиграции, совершенно искренне его поддерживал. Так произошло с журналами В. Перельмана "Время и мы", А. Глезера "Стрелец", с газетой С. Довлатова "Новый американец". Редактор "Континента" считал, что чем больше появится таких изданий и чем разнообразнее они будут, тем лучше для общего дела, для русской культуры и литературы. На страницах "Континента" не раз анонсировались и подробно анализировались перечисленные издания (а также журнал В. Марамзина и А. Хвостенко "Эхо").

Приветствуя появление в США газеты "Новый американец", Максимов писал Довлатову 27 июня 1979 г.: "Хотелось бы только пожелать, чтобы новый периодический орган печати выражал себя не в противопоставлении другим газетам и журналам русскоязычной эмиграции, а в лояльном сотрудничестве и творческом соревновании с ними. Дай Вам Бог сил и уверенности в начатом деле!". Касаясь вопросов конкурентной борьбы в среде "третьей волны" эмиграции, Максимов подчеркивал в одном из писем: "В нашем деле, на мой взгляд, следует прежде всего иметь в виду читателя, а не соперника. К примеру, большинство изданий, ставивших своей целью уничтожить "Континент", так и остались лежать на полках книжных магазинов и на дому у самих издателей, ибо читателей интересует не наше соперничество, а качество той информации, которую мы ему даем" (Максимов - Штейну. 3 июня 1980 г.).

По-разному складывались в дальнейшем отношения Максимова с теми, чьи издания он приветствовал и поддерживал в начале пути. Но факт остается фактом: такая поддержка была! И место для рекламы новых изданий "Континент" находил всегда, несмотря на дефицит журнальной площади.

Кроме того, журнал анонсировал и рецензировал наиболее заметные новинки, появившиеся в издательствах "ИМКА-Пресс", "Ардис", "Посев", "Эрмитаж", "Третья волна". Обращаясь к К. Профферу (владельцу издательства "Ардис", выпустившему десятки замечательных русских книг), Максимов писал 3 мая 1975 г.: "Мне кажется, что дело, которое Вы делаете, имеет огромное значение для современной русской литературы. Оно восстанавливает подлинную историю литературного процесса в России. Успеха Вам и удачи".

Принято считать, что наиболее сильной составляющей в "Континенте" была публицистика. И это, разумеется, так, поскольку редакция журнала ставила во главу угла общественно-политическую и религиозную задачи. Но и литературный отдел издания был достаточно сильным.

Конечно, было бы нелепым утверждать, что в 1970-е-первой половине 1980-х гг. из СССР выехали все лучшие авторы. На родине продолжали работать Б. Окуджава и Ф. Искандер, Ю. Трифонов и А. Битов, В. Астафьев и В. Распутин, Ф. Абрамов и В. Белов, В. Тендряков и Б. Можаяев, А. Тарковский и Д. Самойлов и многие другие. Но не будем забывать о цензурных препонах, которые им постоянно приходилось преодолевать, о целом ряде текстов, написанных "в стол", без надежды на публикацию. К тому же неверно и исторически несправедливо делать вид, что изгнание Солженицына, эмиграция Максимова и Коржавина, Аксенова и Гладилина, Владимова и Горенштейна, Войновича и Довлатова, Синявского и Некрасова, Галича и Бродского не имели для развития русской литературы никакого значения.

До сих пор принято с какой-то снисходительной усмешкой рассуждать о слабом художественном уровне литературы "третьей волны" эмиграции. На мой взгляд, это просто пропагандистский штамп, от которого давно пора отказаться. Если добавить к уже названным имена Саши Соколова и Ю. Мамлеева, Кублановского и Горбаневской, если вспомнить, что "Континент" в самые глухие годы застоя печатал стихи И. Лиснянской и С. Липкина, В. Уфлянда и Г. Сапгира, Г. Айги и С. Гандлевского, то станет абсолютно ясным: существовал огромный пласт русской литературы, который мог пробиться к читателю только благодаря зарубежным, эмигрантским изданиям и издательствам. Литературная журналистика русского зарубежья и такие издательства, как "Посев", "Ардис", "Эрмитаж", "ИМКА-Пресс", стали своеобразной "запасной площадкой" русской культуры, гонимой и притесняемой на родине.

Из наиболее заметных литературных произведений, появившихся на страницах "Континента", назову главы из романа Гроссмана "Жизнь и судьба", главы из романов Войновича "Москва-2042" и "Претендент на престол", его же повесть "Шапка"; повесть Искандера "Кролики и удавы"; прозу Корнилова, Л. Чуковской и Марамзина, повесть Аксенова "Свяжск" и главы из его романа "Скажи изюм"; прозу Ю. Алешковского, Некрасова и Горенштейна. Несмотря на всепоглощающую редакторскую работу, сам Максимов продолжал писать глубокую прозу реалистического направления, в которой рассматривал сложнейшие "узлы" русской истории XX в.: романы "Ковчег для незваных", "Заглянуть в бездну", "Прощание из ниоткуда", "Кочевание до смерти". И судя по письмам читателей, хранящимся в архиве Максимова, он получал горячие и искренние отклики на свои произведения.

На страницах "Континента" можно было прочесть статьи о творчестве С. Параджанова и А. Тарковского, о Театре на Таганке и Ю. Любимове, о М. Шагале и А. Звереве, о непростой судьбе С. Эйзенштейна и Д. Шостаковича, о музыкальном искусстве Г. Вишневской и М. Ростроповича. Здесь увидели свет мемуарные книги Э. Неизвестного "Лик-лицо-личина" и "Трагедия свободы".

Значение разделов "Критика и библиография", "Коротко о книгах" трудно переоценить. Их чтение давало представление как о книгах, появившихся в зарубежье, так и о лучших, наиболее заметных изданиях, вышедших в советской России. Среди постоянных авторов рубрики "Критика и библиография" были В. Иверни, Н. Горбаневская, В. Бетаки, М. Муравник, С. Юрьенен, К. Сапгир, К. Померанцев. В сегодняшних, радикально изменившихся условиях трудно до конца осознать, каким ценным источником информации для потенциальных читателей в России были два этих литературно-критических раздела журнала. Ведь они давали представление о книгах, относящихся ко всей гуманитарной сфере знаний - социологии, истории, литературоведению, теории культуры, искусствознанию.

Важно подчеркнуть, что "Континент" испытывал постоянный интерес к тому, что происходит на родине и что там публикуется. В одном из писем Максимов подчеркивал: ""О литературном процессе в СССР" и его наиболее достойных участников, начиная от

Б. Окуджавы до братьев Стругацких, в "Континенте" опубликовано больше позитивных статей, чем во всех остальных русских журналах Зарубежья вместе взятых". И действительно: Иверни, к примеру, подробно и сочувственно писала о творчестве Распутина и Окуджавы, Искандера и В. Шаламова. Коржавин посвятил большую статью "Добро не может быть старо" поэзии О. Чухонцева, а Н. Артамонова - прозе Ю. Домбровского. Статьи А. (Льва) Лосева подробно знакомили читателя с эстетическим своеобразием поэзии Бродского и Кублановского. Максимов рецензировал и при этом высоко оценивал книгу И. Волгина "Последний год Достоевского" (М., 1986) и статью И. Золотусского "Крушение абстракций", появившуюся в № 1 "Нового мира" за 1989 г. "Континент" не раз писал (пусть и с известным скептицизмом) о творчестве Трифонова и братьев Стругацких.

Но и здесь бывали исключения, связанные прежде всего с тем, что редколлегия "Континента" предпочитала помещать статьи о современниках, притесняемых на родине. Обращаясь к Е. Вертлибу (одному из авторов журнала), Максимов 24 сентября 1988 г. писал: "Работу Вашу о Шукшине прочел с большим интересом. Шукшин - один из немногих писателей, которых я способен часто перечитывать. Тем не менее, публиковать о нем статью в "Континенте" для нас слишком большая роскошь, ибо он принадлежит к числу писателей, которым сполна было воздано еще при жизни, а после смерти и того больше. Те немногие журнальные площадки, которые имеются в нашем эмигрантском распоряжении, мы предпочитаем отдавать авторам, гонимым или недооцененным у нас на родине. Согласитесь, если не мы, то кто же их - этих авторов - еще поддержит".

Можно было бы возразить Максимова, что Шукшин - человек и писатель очень трудной судьбы, что он рано сгорел, не успев реализовать свои творческие планы, что болезнь сердца не возникает на пустом месте, - но это бесполезные и запоздалые аргументы: решение главного редактора "Континента" было именно таким. И хотя в данном случае он не нуждается ни в каких оправданиях, вспомним все-таки, что в советской России имена Максимова и Солженицына, Войновича и Аксенова, Некрасова и Галича (ряд может быть продолжен - придется перечислить всех эмигрантов "третьей волны") были вычеркнуты из литературы и преданы забвению, их книги изымались из библиотек, для них было припасено хлесткое обвинение - "литературные власовцы". Так что не станем упрекать русский журнал в эмиграции в том, что он недостаточно уделял внимание советской литературе: это было бы и несправедливо, и неисторично.

Информационно насыщенную, интеллектуально и художественно богатую панораму "Континента" из номера в номер дополняла рубрика "Наша анкета", в которой публиковались развернутые интервью с писателями, художниками, музыкантами и политиками. Охват имен кажется просто невероятным: от Э. Ионеско, С. Беллоу, А. Седых и А. Шпрингера до Н. Мандельштам, В. Аксенова, М. Шемякина и В. Корчного.

Таким образом, каждый номер ежеквартального издания представлял собой продуманную, органичную целостность. Это был журнал, издававшийся на очень высоком профессиональном уровне, и его значимость в истории отечественной литературы и журналистики вполне сопоставима с лучшими русскими "толстыми" журналами, включая и "Новый мир" А. Твардовского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев В. В. "Континент" // Литературная энциклопедия Русского зарубежья: 1918 - 1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М., 2000.

Скарлыгина Е. Ю. Русский "толстый" журнал в эмиграции: "Континент" В. Максимова // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. 2004. № 4.

Скарлыгина Е. Ю. Журнал "спецхрана" // Журналист. 2006. № 4.

Филиппов В. В. Журнал "Континент" и вопросы изучения литературы русского зарубежья // Русская словесность. 1994. № 5.